

РОМАН "ПУШКИН" В КОНТЕКСТЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ РАБОТ Ю. Н. ТЫНЯНОВА

Статья публикуется с разрешения автора

Оригинал здесь: [М. Назаренко. Литературоведение](#)

"Пушкин", третий и последний роман Юрия Тынянова, не анализировался в литературоведении так же пристально, как "Кюхля" и "Смерть Вазир-Мухтара". Связано это прежде всего с большей традиционностью текста, который, на первый взгляд, укладывается в рамки канона "романизованных биографий великих людей". Тем не менее, на своеобразие поэтики тыняновского "Пушкина" обращали внимание М.Гус [6], А.Белинков [2], Вл.Новиков [13], Г.Левинтон [8]. А.Немзер [12: 252] называет роман "понятым, пожалуй, еще хуже, чем "Смерть Вазир-Мухтара". {1}

Все эти работы объединяет традиционная в тыняноведении и очень плодотворная направленность на анализ деформации первоисточников, проведенной автором в романе. Другими словами, "Пушкин", вслед за "Вазир-Мухтаром", анализируется прежде всего в контексте научного творчества Тынянова. Эта традиция восходит еще к статье Б.Эйхенбаума [4: 221-222], несмотря на то, что некоторые читатели ее безоговорочно отрицали (П.Антокольский [4: 253-254]), а другие говорили о возможности прочтения тыняновской прозы вне формалистического контекста (М. Ямпольский [см.: 3: 10-11]). Да и сама взаимосвязь научного и художественного творчества Тынянова может трактоваться по-разному: если для Б.Эйхенбаума романное изображение любви Пушкина к Карамзиной убедительнее построений статьи "Безыменная любовь" [4: 222], то для М.Гаспарова очевидно обратное, поскольку этот исследователь вообще числит Тынянова-литературоведа по ведомству риторики, а не науки [5: 18]. Г.Левинтон, утверждающий принципиальную антиисторичность прозы Тынянова, полагает, что названная статья Тынянова "не только обосновывает и подкрепляет научными аргументами гипотезу, отраженную в романе, но одновременно подчеркивает *необходимость* аргументации, т.е. *гипотетический* характер биографической концепции, которая в романе предстает как безусловная реальность" (курсив автора) [9: 129].

Едва ли не основной проблемой при рассмотрении этого аспекта тыняновской поэтики является крайне слабая изученность позднего научного творчества ученого. В комментариях к сборнику "Поэтика. История литературы. Кино" отмечено, что "стремление "впрячь" биографию в историю литературы осталось нереализованным": в статьях 1930-х годов "проблема биографии решается Тыняновым в традиционном источниковедческом смысле" [16: 513-514]. Не осталось незамеченным и парадоксальное, казалось бы, методологическое сродство первой известной нам статьи Тынянова, студенческой работы о "Каменном госте", с одной из последних его статей, "Безыменной любовью" [16: 513; 5: 13]. Значит ли это, что Тынянов 1930-х годов вернулся в предформалистический (т.е., собственно, юношеский) период своего творчества? Такое утверждение было бы слишком категоричным и преждевременным.

Тынянов не оставил итоговых работ, посвященных проблеме литературного героя, а если учитывать, что эволюция ученого была "катастрофической по скорости" (слова Тынянова о Пушкине), то некорректным будет прямое выведение прозы 1930-х годов из статей начала 1920-х ("О композиции "Евгения Онегина", "Сокращение штатов"). Тем не менее, еще "Вазир-Мухтар" подобные сопоставления вполне допускает, и они были сделаны Г.Левинтоном [9: 129-130] и А.Немзером [12: 248-249]. Герой как "объединение под одним внешним знаком разнородных динамических элементов" [16: 56], герой как "мнимое средоточие" романа [16: 146] - эти концепты, безусловно, важны для всего беллетристического творчества Тынянова, в особенности принимая во внимание, что писатель очень рано отказался от первоначальной мысли о том, что в современной литературе жанром, наиболее адекватным для такого образа героя, является авантюрный роман. {2} Поэтика Тынянова во многом складывается как результат приложения созданной им концепции героя к "данному" жанру исторического романа.

Немаловажно, что сам термин "мнимое средоточие" заимствован Тыняновым из трактата столетней давности - "Опыта науки изящного" А.Галича, лицейского учителя Пушкина. "Круг жизни, раскрывающийся в эпосе, конечно, имеет нужду в средоточии, из коего разом обозреваются все явления и формы, и сие то идеальное, мнимое средоточие есть - герой", - цитирует его слова Тынянов в статье "Пушкин" [18: 139]. Правомерность применения этого термина к "южным поэмам" Пушкина оспаривалась, к примеру, Ю.Манном [10: 54], однако для Тынянова важна принципиальная возможность